

**Заглавие документа:**

Лапунова О.В. ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ДИСКУРС КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПОЛИФОНИЧНОГО ДИСКУРСА // // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. – Мн. 2011. – С.25-32

**Авторы:** Лапунова, Ольга Владимировна

**Тема:** Дискурсивные механизмы лингвопрагматического воздействия в СМИ

**Дата публикации:** 2011

**Издатель:** Минский государственный лингвистический университет

**Аннотация:** *В статье рассматривается проблема полифоничности как одна из сущностных характеристик телевизионного информационного дискурса, характер которой связан с неоднозначностью прагматической задачи, решаемой журналистом. Специфика полифонии в новостном дискурсе состоит в том, что она может быть как реальной, «физической», так и «лингвистической», то есть создаваться только голосом медиаторца. «Физическое» многоголосье представлено голосами журналиста-ведущего в студии, репортера, а также участников события. «Лингвистическая» полифония связана с многообразием ролей, которые играет журналист, представляя то или иное событие реальной действительности. В роли «неперсонифицированного повествователя» (ведущего в студии) журналист максимально дистанцируется от описываемого события, тогда как в роли непосредственного участника и рассказчика (репортера), он участвует в событии и комментирует его в режиме реального времени (прямой репортаж с места события). Журналист может выступать в роли «незримого участника» («субъекта сознания»), присутствие которого маркируется различного рода «эгоцентрическими дейктиками».*

**О. В. Лапунова**

**ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ДИСКУРС КАК  
РАЗНОВИДНОСТЬ ПОЛИФОНИЧНОГО ДИСКУРСА**

Каждый язык находится в постоянном движении. Наиболее отчетливо эти изменения проявляются в оформлении художественных и публицистических текстов как следствие стремления к сближению языка автора и адресата. В современной стилистической картине особое место отводится приему «полифонии». Термин «полифония» имеет музыкальную историю и трактуется как многоголосье, одновременно сочетающее и развивающее две и более самостоятельные мелодические линии (Ярцева, 1992, с. 478). Различают

имитационную, контрастную и подголосочную полифонию, которые соответственно служат для повторения, противопоставления различных мелодий и соединения мелодии и ее вариантов-подголосков.

Виды музыкальной полифонии стали как бы отголосками понимания полифонии как внутреннего диалога автора с героем и противоречивого восприятия авторского замысла в художественном тексте. Множественность субъекта речи и диалогический поиск истины являются основными характеристиками полифонии, как источника эстетической энергии, направленной на создание полифоничного текста в художественном произведении (Валентинова, 2005, с. 8).

Основываясь на теории Э. Бенвениста о двух планах высказывания – «плане истории» (*récit*) и «плане речи» (*discours*) (Бенвенист, 1974, с. 270-284), в современной лингвистике выделяются два типа повествования – рассказ и дискурс. В трудах современных исследователей взгляд Бенвениста на художественный текст как на рассказ и дискурс иллюстрируется выделением двух типов повествования – объективного и субъективного. В этой связи автор в художественном произведении может выступать как в роли неперсонифицированного повествователя (*il*), так и в роли рассказчика (*je*). Неперсонифицированный повествователь (*il*) не входит во внутренний мир текста, а лишь описывает событийную линию. Рассказчик (*je*) локализован внутри тестового пространства на более или менее близком расстоянии от персонажей, являясь одним из них или главным (Корниенко, 2000, с. 53). М.М. Бахтин называет рассказ автора от первого лица «собственно авторской речью» (Бахтин, 1979, с. 99). Кроме слов автора он выделяет «объектное слово/слово изображенного лица», связанное с прямой речью героев и «двуголосое слово/слово с установкой на чужое слово». Трактовка М.М. Бахтиным понятия «двуголосое слово» связана с термином «полифония» в значении эстетического метода анализа художественного произведения. М. М. Бахтин раскрывает значение данного термина как диалога автора и героя, в который вовлечен и читатель. В двуголосом слове само авторское слово выдает себя за чужое слово (слово персонажа) или чужое выдает за свое. По мнению представителей французской лингвистической школы, в частности О. Дюкро, голос автора может лишь «слышаться» в тексте, а идентифицировать его помогают дейктики (эгоцентрические слова), которые в нарративном режиме указывают на «след присутствия» Говорящего (повествователя) (Ducrot, 1998, р. 150-163). В полифоническом тексте временные пространства рассказчика и персонажа могут совмещаться. Заставить читателя услышать «эхо» другой точки зрения можно лишь на уровне сознания. В связи с этим в трудах отечественных и зарубежных лингвистов появляется термин «субъект сознания» (Падучева, 1975) («автор точки зрения без слов» у О. Дюкро). Выступая в роли «субъекта сознания», автор как наблюдатель может участвовать в действии наряду с другими персонажами. Именно такие возможности реализуются в форме несобственно-прямой речи, которая является органичной частью повествования от первого лица. Меняя пространственно-временной режим повествования, рассказчик может также

выступать в роли «рефлексирующего субъекта сознания», который ведет внутренний диалог (полемику) своих внутренних «Его» (Dessingué, 2004, p. 67-98). Этой инстанции соответствует форма внутреннего монолога.

Таким образом, прием полифонии в художественном произведении характеризуется неоднородностью субъекта речи, наличием внутреннего диалога автора и героя, а также способностью автора смещать пространственно-временные рамки повествования.

В этом понимании прием полифонии как нельзя эффективнее отвечает задачам, решаемым журналистами в телевизионном репортаже: с одной стороны, стремлению к высказыванию авторской точки зрения и самовыражению, а, с другой стороны, желанию максимально завуалировать собственную субъективность как реализация претензии на объективность изложения.

Анализ телевизионной речи показывает, что в телевизионном информационном дискурсе, элементом которого является телерепортаж, прием полифонии используется для разных целей в зависимости от вида репортажа, общей и частных прагматических задач, решаемых журналистом. Специфика телевизионного репортажа по сравнению с текстом художественного произведения состоит также в том, что в телевизионном информационном дискурсе полифония создается не только голосом телерепортера, но и может быть реальной, физической.

В современных научных трудах отсутствуют конкретные данные об особенностях использования и прагматическом потенциале приема полифонии в текстах СМИ. Вместе с тем очевидно, что знание одного из механизмов речевого воздействия, применяемых в телевизионной коммуникации, к числу которых принадлежит прием полифонии, представляет несомненный теоретический и практический интерес.

В телевизионном информационном дискурсе журналист, используя прием полифонии, пытается создать эффект участия телезрителя в событии и в то же время придать «общественное звучание» своему голосу. В области коммуникативного воздействия медиаторец с помощью использования всевозможных способов объективизации информации делает попытку победить укоренившуюся в сознании зрителя целую систему знаний и представлений о событиях реальной действительности. Этот эффект достигается за счет включения журналистом нескольких голосов в содержательную ткань своего сообщения. Чужая речь вкрапляется в ткань репортажа либо «физически», то есть путем прямого интервьюирования участников события и смены голосов ведущих (журналист и репортер), либо с помощью языковых средств и приемов.

Сама структура новостного блока носит характер «физического многоголосья», что очевидно объясняется желанием создать более полную панораму событий. Когда начинается выпуск телевизионных новостей, ведущий в студии произносит несколько фраз, анонсируя определенное событие. Затем журналист передает слово репортеру, создателю «синтезированного» репортажа или репортажа-«прямой трансляции» на

анонсируемую тему. Кроме голоса самого медиаторца, в информационном телевизионном дискурсе звучат голоса свидетелей и участников события, которые либо приглашаются в студию, либо дают свой комментарий непосредственно с места события.

Ведущий в студии, как правило, ограничивается формулировкой предмета дискуссии, ссылаясь на мнения приглашенных в студию людей по данной проблеме, либо сразу передает слово репортеру. Как правило, реплики ведущего в студии не несут никакой эмоциональной нагрузки. Иногда в студию приглашается сразу несколько гостей, которые в ходе дискуссии высказывают свою точку зрения по обсуждаемой проблеме. Однако даже «косвенное» участие в полемике помогает журналисту выдать «свою» точку зрения за «чужую», поскольку в диалоге или полилоге опытный медиаторец всегда добивается того ответа, который ему нужен.

Репортер, комментирующий явление непосредственно с места события, позволяет себе оценочные суждения, поскольку он является непосредственным/«физическим» участником описываемого события. В том случае, если событие, имеющее масштаб мировой катастрофы (террористический акт, землетрясение и т.д.) разворачивается на глазах у телезрителя, репортер в прямом эфире констатирует факты, подтверждение которым зритель видит на экране. Однако уже на следующий день после того, как произошло событие глобального масштаба, манера подачи информации об этом событии меняется. В зависимости от прагматической ситуации оценка выражается репортером прямо или вкладывается в уста персонажа, что, как правило, объясняется дипломатическими соображениями. В некоторых репортажах на политическую и социально-политическую тематику репортер воздерживается от прямого высказывания своей оценки, а разъясняет, растолковывает зрителю суть события, интерпретирует его глубоко и с привлечением дополнительных аргументов. В данном случае оценка происходящего репортером носит рациональный характер. В отличие от ведущего в студии, который дистанцирован от места события, репортер «видит все своими глазами и рассказывает своими словами», поэтому в глазах зрителя имеет право на оценку, которой он же, зритель, склонен доверять.

Безусловно, в тексте телевизионного репортажа присутствуют высказывания участников и свидетелей события, но в реализации коммуникативной цели репортеру прежде всего помогает психологический контакт с аудиторией, поскольку зритель ставит себя на место репортера при просмотре репортажа. Голос свидетелей и участников события в репортаже, с одной стороны, представляет собой независимое субъективное мнение, на которое журналист и репортер считают необходимым опереться в своем сообщении. С другой стороны, их слова всегда свидетельствуют в пользу позиции медиаторца, поскольку последний принимает непосредственное участие в создании информационного сюжета.

Полифония в информационном телевизионном дискурсе носит характер не только явно выраженного «физического» многоголосья, чужая речь

включается в содержательную ткань новостного дискурса также с помощью различных языковых средств и приемов.

Как уже было отмечено ранее, полифоничный текст характеризуется, прежде всего, множественностью говорящих субъектов и наличием имплицитного и эксплицитного диалога между ними. В художественном тексте голоса рассказчика (je) и неперсонифицированного повествователя (il) чередуются с голосами персонажей. Понятие «субъект сознания», как результат создания узкой психологической ситуации общения автора с читателем, связано с изменением нарративного режима рассказчиком.

Если оперировать реалиями, которые используются лингвистами для идентификации говорящих субъектов в художественном тексте, то в телевизионном информационном дискурсе выделяются следующие инстанции:

- голос журналиста-свидетеля (неперсонифицированного повествователя), который ведет рассказ от третьего лица;
- голос журналиста-наблюдателя, который ведет рассказ от первого лица;
- голос персонажей (участников события);
- голос «субъекта сознания» (внутреннего «Его» журналиста), чья точка зрения прячется за голоса «третьих лиц» (участников или свидетелей описываемых событий);
- голос зрителя, сидящего у экрана телевизора, мнение которого важно для журналиста.

Принимая во внимание тот факт, что медийный дискурс, в частности речь журналиста теленовостей, характеризуется претензией на объективность в изложении информации, репортер призван играть роль беспристрастного свидетеля и комментировать событие от третьего лица. В данном случае он не принадлежит внутреннему миру повествования. В терминологии как отечественных, так и зарубежных лингвистов такой тип говорящего называют по-разному: «немаркированный член корреляции лица», "narrateur hétérodiégétique" (представители французской лингвистической школы Э.Бенвенист, Женетт и т.д.) (Genette, 1983, p. 46), "sujet inactif, témoin, connaisseur" (А.Н. Степанова) (Степанова, 2003, с. 72).

Согласно принципам объективности телевизионного вещания, в новостной сфере репортер не может выступать от первого лица, то есть вести рассказ от своего имени. Употребляя форму первого лица единственного числа 'je', он автоматически включается во внутренний мир текста, маркируя свою субъективность соответствующим дейктиком. Это, как уже говорилось, не соответствует нормам журналистской этики, согласно которым репортер должен держать дистанцию.

В репортажах с места события действие описываемого события разворачивается в прямом эфире синхронно комментариям репортера. Это могут быть репортажи с горячей точки, выставки, презентации, футбольного матча и т. д. Все эти репортажи представляют собой комментарий-«прямую трансляцию» с места события. В данном случае у репортера просто не было времени составить заранее план комментария Большой Темы. Он своими

словами лишь подтверждает те очевидные факты, которые зритель видит на экране. В ходе футбольного матча или в репортаже с места ведения военных действий журналист часто (не всегда) ведет рассказ от первого лица. В этом случае присутствует элемент субъективной оценки, связанный с употреблением местоимения первого лица единственного числа (*je*), что противоречит правилам журналистской этики, однако допускается в репортажах с места события на указанную тематику. В данном случае репортер выступает в роли рассказчика (*je*) – «диегетического повествователя» в терминологии Е.В. Падучевой (Падучева, 1975, с.53). Такие репортажи характеризуются наличием перформативных глаголов настоящего времени, а также пространственно-временных дейктиков (*ici*, *maintenant* и т.д.), указывающих на текущую ситуацию общения. Данное явление в технологии создания телевизионного репортажа можно наблюдать крайне редко, преимущественно в репортажах развлекательного характера, либо в репортажах на спортивную тематику.

В синтезируемых репортажах, транслируемых из студии, журналист иногда позволяет себе уточняющие ремарки типа *”je cite”*, которые носят нейтральный характер.

Кроме внешних форм полифонии в информационном телевизионном дискурсе журналист может проявлять себя и как «субъект сознания», чья точка зрения «прячется» за голос Другого. «Точка зрения» медиаторца бывает настолько завуалирована в манере подачи информации журналистом, что даже не воспринимается зрителем как таковая.

Как отмечают французские лингвисты, журналисты часто выдают пересказ чьих-то слов за подлинную цитату, в чем и состоит разница между журналистикой и распространением сплетен. Так, П. Манье отмечает: *“La notion d’objectivité est remplacée chez les journalistes par celle d’une retranscription intellectuellement honnête d’une réalité vérifiée. La vérification de l’information est donc ce qui fait toute la différence entre le journalisme et la propagation d’une rumeur”*<sup>1</sup> (Manier, 2003, p. 63). Д. Менгено утверждает, что прямая речь персонажа, включенная в структуру телевизионного репортажа, является лишь одним из фрагментов его выступления. Вырывая цитату из одного контекста и перемещая ее в другой контекст, журналист искажает ее смысл в зависимости от поставленной прагматической задачи: *“Quelle que soit sa fidélité, le discours direct n’est jamais qu’un fragment de texte dominé par l’énonciateur du discours citant, qui dispose d’énormes moyens pour lui donner un éclairage personnel”*<sup>2</sup> (Maingueneau, 1998, p. 78). Данные высказывания согласуются с теорией

---

<sup>1</sup> Журналисты заменили понятие объективности понятием интеллектуально честной ретранскрипции проверенных фактов действительности. Проверенная информация, по сути, является основным отличием журналистики от распространения слухов.

<sup>2</sup> Прямая речь, с какой бы точностью она ни была воспроизведена, является всего лишь фрагментом текста, в котором главную роль играет повествователь, цитирующий данное высказывание. Последний располагает целым арсеналом средств, которые помогают представить цитируемую точку зрения в качестве своей собственной.

диалогичности М.М.Бахтина: «...степень объектности изображенного героя может быть различной» (Бахтина, 1979, с.86).

«Точка зрения» журналиста может быть также выражена в семантике глагола-связки, предвещающей цитирование. В качестве таких глаголов употребляются глаголы – *souligner, confier, affirmer, ajouter, se souvenir* – «подчеркивать», «доверять», «утверждать», «добавить», «вспомнить» и т.д. Смысл этих глаголов акцентирует позицию журналиста.

Воспроизводя чужую речь по памяти, журналист часто сознательно искажает смысл исходной цитаты в зависимости от своей интенции. В данном случае, журналист «работает» чужой точкой зрения. Его интенция проникает в речь персонажей, то есть участников события.

Некоторые представители французской лингвистической школы, в частности Ж. П. Декле, рассматривая полифонию как один из приемов манипулирования общественным мнением в медиадискурсе, настаивают на необходимости дополнить теорию полифонии О. Дюкро, который в любом высказывании предлагает выделять Говорящего как такового (*locuteur*) и Говорящего как субъекта речи (*énonciateur*): “La théorie de la polyphonie de Ducrot devrait être réexaminée en distinguant énonciateur, locuteur et médiateur”<sup>1</sup> (Desclés, 2000, р.84-85). По мнению Декле, в некоторых высказываниях Говорящий ссылается на неперсонифицированного Другого (*médiateur*), который делит с ним ответственность за «точку зрения», изложенную в высказывании. В медиадискурсе журналист часто «прячется» за некоего незримого субъекта, который скрывается за формулировками “on dit que”, “on prétend que” и т.д. Анонимное присутствие Другого дает возможность журналисту высказать свою точку зрения под «маской» объективного изложения фактов.

Рассматривая «скрытые» формы полифонии в медийном новостном дискурсе, следует обратить внимание на языковые приемы и средства, указывающие на скрытую внутреннюю полемику субъекта речи, то есть журналиста. Временной сдвиг, использование повторов, категория отрицания, изменение модального плана и т. д. свидетельствуют как о наличии внутреннего диалога Говорящего, так и диалога с неким «воображаемым» субъектом. Так, например, употребление журналистом условного наклонения свидетельствует о значении предположения, а значит о наличии иного субъекта. Предположительная модальность характеризует высказывание Другого, выступающего в той или иной ситуации субъектом мнения.

Таким образом, полифоничность является одной из сущностных характеристик телевизионного информационного дискурса, специфика которой связана с противоречивостью прагматической задачи, решаемой журналистом. Сохраняя претензию на объективность изложения, медиатор стремится к высказыванию собственной точки зрения по той или иной проблеме. Особенность полифонии в новостном дискурсе состоит в том, что она может быть как реальной, «физической», так и «лингвистической», то есть создаваться

---

<sup>1</sup> Необходимо пересмотреть теорию полифонии Дюкро, выделив повествователя, говорящего и посредника.

только голосом репортера. «Физическое» многоголосье представлено голосами журналиста-ведущего в студии, репортера, а также третьих лиц (участников события, свидетелей, политических деятелей и т. д.). «Лингвистическая» полифония касается речи телевизионного журналиста, а именно многообразия ролей, которые играет последний, представляя то или иное событие реальной действительности. В роли «неперсонифицированного повествователя» журналист максимально дистанцируется от описываемого события, хотя и позволяет себе различные формы эксплицитного диалога с персонажами, реализуемые в форме прямой и косвенной речи. В телевизионном репортаже репортер может выступать в роли непосредственного участника и рассказчика (je), который участвует в событии и комментирует его в режиме реального времени (прямой репортаж с места события). Присутствие журналиста может ощущаться и во внутреннем мире информационного телевизионного дискурса. В этом случае говорящий субъект (журналист) играет роль «незримого участника» («субъекта сознания»), одного из персонажей, присутствие которого маркируется различного рода «эгоцентрическими дейктиками». Журналист в роли субъекта сознания децентрируется и характеризуется внутренней диалогичностью.

Исследование того, как в зависимости от того или иного вида полифонии и от общего прагматического контекста в телевизионном информационном дискурсе выбираются языковые средства и приемы объективизации речи представляет несомненный интерес для изучения и анализа.

### Список литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Совет. энцикл., 1992. – 685 с.
2. *Валентинова, О. И.* Семиотика полифонии: монография / О. И. Валентинова – М.: РУДН, 2005. – 259 с.
3. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист – М.: Прогресс, 1974 – 447с.
4. *Корниенко, А.А.* Современная французская новелла в поисках новых форм. Семиолингвистическое исследование / А.А.Корниенко // Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2000. – 292 с.
5. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
6. *Ducrot, O.* Logique, structure, énonciation / O. Ducrot – Paris: ed. de Minuit, 1998. – 292 p.
7. *Падучева, Е.В.* Говорящий субъект речи и субъект сознания / Е.В. Падучева. – М.: Худ. лит-ра, 1975. – 502 с.
8. *Dessingué, A.* Polyphonisme, de Bakhtine a Ricoeur / A. Dessingué // Atelier de théorie littéraire – Paris, Dixit, 2004. – 107 p.
9. *Genette, G.* Nouveau discours du récit / G. Genette – Paris, Seuil, 1983. – 118 p.

10. *Степанова, А.Н.* Говорящий субъект: его временное пространство, статус и функции / А. Н. Степанова – Минск: МГЛУ, 2003. – 187 с.
11. *Manier, P.S.* Le journalisme audiovisuel / P.S. Manier – Paris, Dixit, 2003. – 158 p.
12. *Maingueneau, D.* Analyser les textes de communication / D. Maingueneau – Paris, Dunod, 1998. – 150 p.
13. *Desclés, J. P.* Énonciateur, locuteur, médiateur / J. P. Desclés, Z. Guentchéva. // Monod-Becquelin A., Erikson P.(eds), Les rituels du dialogue, Nanterre, Société d'ethnologie, 2000. – P. 79 – 112.